

Military Sanitary and Epidemic Detachment of Communists in the Fight against the Typhos Epidemic in Samara

N. A. Mironova¹, V. V. Kulikov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

In the situation of the epidemics of typhus and cholera in the first years of the Soviet power in Samara, a military sanitary epidemic detachment of communists was created that patrolled the streets, helped cleaning the city of sewage and dead bodies, and monitored the condition of hospitals and children's hospitals. In Samara, the typhoid epidemic has reached enormous proportions and was complicated by famine. The railway station in Samara was in the focus of the epidemic. Crowded hospitals could not cope with the flow of patients. In children's collectors, there was a high mortality rate due to typhoid and related diseases. The combat sanitary and epidemic detachment tried to take control of the situation, the sanitary "troikas" (two comrades and a first-aid man) identified and transported patients, the soldiers of the detachment buried the dead. The history of the military epidemic detachment in Samara is an example of everyday heroism.

Keywords: typhus; epidemic; Samara; sanitary-epidemic detachment; everyday life; devastation; famine

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Mironova Natalia A. | E-mail: legion6@mail.ru
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Kulikov Viktor V. | E-mail: victorvictorovichkulikov@gmail.com
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Боевой санэпидотряд коммунистов в борьбе с эпидемией тифа в Самаре

Н. А. Миронова¹, В. В. Куликов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 908

Научная статья

В связи с эпидемией сыпного тифа и холеры в первые годы советской власти в Самаре был создан боевой санэпидотряд коммунистов, который патрулировал улицы, содействовал очистке города от нечистот и мертвых тел, контролировал состояние больниц и детских приемников. В Самаре эпидемия тифа достигла огромного размаха и осложнялась голодом в губернии. Железнодорожная станция в Самаре стала очагом эпидемии. Переполненные больницы не справлялись с потоком больных. В детских коллекторах наблюдался высокий уровень смертности из-за тифа и сопутствующих заболеваний. Боевой санэпидотряд пытался взять ситуацию под контроль, санитарные «тройки» (два бойца и фельдшер) выявляли и перевозили больных, бойцы отряда хоронили умерших. История боевого санэпидотряда в Самаре является примером повседневного героизма людей.

Ключевые слова: тиф; эпидемия; Самара; санэпидотряд; повседневность; разруха; голод

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Миронова Наталья Анатольевна | E-mail: legion6@mail.ru
Кандидат исторических наук, доцент

Куликов Виктор Викторович | E-mail: victorvictorovichkulikov@gmail.com
Кандидат исторических наук, доцент

В первые годы советской власти начинается эпидемия сыпного тифа, которым по разным подсчетам переболело от 7 до 25 млн человек [1, с. 63–68]. «Сыпняк» в той или иной степени затронул почти все города; в Поволжье он был сопряжен с голодом, потому ситуация в Самаре, Казани и Саратове была тяжелее, чем в других городах. Эпидемия и голод стали причиной смерти большей части городского населения. В данной статье мы рассмотрим, каким образом советская власть пыталась остановить эпидемию в Самаре.

Сыпной тиф до эпидемии первых советских лет считался болезнью солдат и маргиналов: вошь можно было «поймать», как правило, лишь в ночлежных домах и притонах. Однако массовая демобилизация солдат с фронта Первой мировой войны привела к тому, что тиф постепенно, часто продвигаясь по железнодорожной дороге, проник в центр страны. В Самаре эпи-

демия тифа началась в 1919 г. и достигла пика в 1922–1923 гг., продолжаясь до 1925 г. Самара оказалась в эпицентре печально известного «голода Поволжья». Однако, кроме голода, усугубила санитарно-гигиеническое состояние города и чрезвычайная загрязненность улиц. Нечистоты скапливались на улицах и во дворах, выгребные ямы домов были переполнены, система ассенизационных обозов после революции не существовала. Связь между гигиеной и эпидемиями была очевидна. Вспышки холеры наблюдались довольно часто. Подобное состояние города способствовало распространению сыпного тифа.

Для борьбы с эпидемиями 24 ноября 1919 г. в Самаре создается боевой санитарно-эпидемический отряд коммунистов, первой целью которого было в кратчайший срок очистить город от нечистот. Санэпидотряду выделялись денежные средства, силы санитарного персона-

ла, к нему было приписано несколько санитарных врачей. Зарплата сотрудника в месяц – 1 пуд муки «среднего качества», 7,5 фунтов крупы, 1 фунт сахара. Позднее, с 1922 г., сотрудников поддерживает Красный крест и Американская организация помощи голодающим (American Relief Association), выдавая бойцам усиленный паек. 28 человек-коммунистов были разбиты по кварталам для борьбы за чистоту.

Численность отряда менялась. В январе 1920 г. в отряде – 87 человек [2, Д. 9. Л. 197–198]. В марте – 236 сотрудников [2, Д. 5. Л. 19]. Отряд был разделен на санитарные «тройки», которые получали жалование Губздрава и эпидемический паек и выполняли задания Губздрава [2, Д. 9. Л. 5]. У каждой тройки были свои городские кварталы. В городе был госпиталь, но врачей не хватало. Известный в дальнейшем советский хирург Б. С. Вейсброт, в эпоху эпидемии бывший фактически глазами В. И. Ленина в Самаре, сообщил о проблемах города вождю, по инициативе которого и вскоре была «проведена мобилизация зубных врачей в качестве среднего медицинского персонала» [3]. В боевой отряд коммунистов входил и Георгий Митерев, студент только что созданного медицинского факультета Самарского государственного медицинского университета, впоследствии нарком здравоохранения СССР (1939–1946 гг.).

Помимо контроля над состоянием улиц, боевой санэпидотряд должен был следить, чтобы уплотнение в городе не было чрезмерным, а эпидемические больные направлялись в больницу [2, Д. 9. Л. 319]. Товарищи бойцы так говорили о своей работе: «Мы (сотрудники эпидотряда) должны уяснить, что мы живем в часы ужасных бедствий, созданных мировой бойней, и сейчас вокруг нас витает смерть и разрушения, ужасные последствия голода, и кто остался от мировой бойни живым, тот должен перенести неизбежные ее последствия – голод и эпидемии. Нужны все силы» [2, Д. 7. Л. 17.].

В 1920–1921 гг. санэпидотряд обследовал на предмет чистоты военные учреждения, военкоматы, суды, кинематограф, хлебопекарни, аптеки. В документах отмечен очень «средний», а часто недопустимый уровень гигиены. Ситуация особенно тяжелая во дворах частных домов. Вот фрагмент письма одного из жителей: «Двор представляет из себя сплошную помойную яму, так как дворовый клозет, их помойная яма переполнена, в верхних этажах клозеты не действуют и нечистоты ведрами выносятся и разлива-

ются по асфальтовому двору и текут на улицу, во дворе и на улице страшное зловоние. Этот двор может служить рассадником эпидемии, тем более что он переполнен жильцами, среди которых есть уже больные дизентерией» [2, Д. 6. Л. 123]. При обследовании хлебопекарни товарищи бойцы отмечают: «Во дворе мною замечена недопустимая грязь, помойная яма наполнена и течет, нечистоты по всему двору, размывая навозные кучи во дворе...» [2, Д. 6. Л. 127].

Множество документов свидетельствует о переполнении отхожих мест. С наступлением оттепели – весной 1920 г. – мусор стал расти. Лошадей не хватало (только в марте 1921 г. отряду выделили три десятка лошадей и машину.) 6–7 апреля в городе был массовый воскресник, к уборке было привлечено около 100 лошадей. Позднее для отряда выделили автомобили для патрулирования улиц.

С 1920 г. ситуация ухудшается. Гражданская война была причиной грандиозной миграции населения, что, в свою очередь, стало ключевым фактором распространения эпидемии. Боевой санэпидотряд контролировал «приемники» инфекционных больных, дежурил при железнодорожной станции Самара. В Самаре работали 12 районных наблюдателей для своевременного «вылавливания больных, скрываемых родственниками»: многие отказывались отдавать своих родственников на лечение. Эта особенность города становится одной из причин того, почему сыпной тиф в Самаре обрел благодатную почву [2, Д. 2. Л. 7]. Между тем бойцам отряда были даны исключительные полномочия по части работы с населением: они имели право пустить в ход оружие, если считали, что дело угрожало эпидемической ситуации.

В июле 1921 г. началась эпидемия холеры и отряд расширился до 85 человек. Помимо этого, увеличилось количество заболевших сыпным тифом. На вокзале станции Самара были выставлены посты, которые должны были следить за приезжающими. Отряд должен был проверять состояние берега Волги, куда часто выливались нечистоты. Бойцы отряда следили за состоянием детских домов, стараясь хоть как-то улучшить положение находившихся в них детей.

В отряде была железная дисциплина. Никаких выходных, праздничных дней, явка на свои посты строго обязательна. За мародёрство могла быть применена высшая мера

наказания [2, Д. 1. Л. 3]. Бойцы часто становились жертвами болезней, особенно тифа; после смерти товарища из отряда зарплату отдавали его родственникам [2, Д. 2. Л. 257].

Пик эпидемии в Самаре пришелся на конец 1921–1923 гг. Полномочия отряда расширились. В отчете за январь 1922 г. боевого санэпидотряда говорится о том, что «отряд вступил в новую фазу своей деятельности»: теперь он охватывал станцию Самара, госпитали, контролировал «праздношатающуюся публику», не имевшую права проезда по железной дороге, «свившей себе в ней ночлежное гнездо, распространяющее эпидемии, гнездо мелких спекулянтов и воров». Отряд осматривал проходящие и уходящие поезда, уносил трупы с вокзала, направлял больных через изоляционные пункты в госпитали, а трупы – на кладбище для захоронения [2, Д. 23. Л. 169]. За январь 1922 г. было подобрано и отправлено на погребение, согласно рапорту, 3989 человек. Отряд по поручению Губздрава расследовал злоупотребления в подведомственных Губздраву учреждениях, а именно в 224 госпиталях, в детских колониях, в подведомственных учреждениях, наблюдал за санитарией города. Он помогал в эвакуации больниц. Рапорт отчаяния одного из бойцов (едва освоившего грамоту) свидетельствует о том, что работа санэпидотряда была недостаточна в условиях надвигающейся эпидемии тифа: «Нужно создать транспорт, создать приемники, и кадры самоотверженных работников. Кое-кто скажет, а где взять? Из-под земли вырастить. Да, у нас есть сейчас санитарная часть, скорая помощь, но все это только копия, или вернее самообман. Дальше так быть не должно. Нужно оживить этот дремлющий фронт, окропить его святой водичкой, из законов применяющей советской власти, выступить на борьбу с тифом и другими болезнями, подрывающих корни нашего благосостояния [2, Д. 7. Л. 15].

О материальном снабжении сотрудников за 1921 г. можно сказать только одно: это была жизнь в страшной нужде и нищете: сохранились акты о том, что между товарищами неправильно поделили катушки ниток и кожаные лоскуты [2, Д. 7. Л. 11].

В марте 1922 г. работа отряда была сосредоточена на станции Самара. Сотрудники дежурили на улице, снаружи вокзала, стояли на холоде, пытались контролировать передвижение людей. Вторая группа бойцов патрули-

ровала город. Третья группа (эвакуаторы) вела уборку трупов и эвакуацию больных по городу – назначались суточные дежурства. Четвертая группа (лекпомы) помогала в пропагандистской деятельности [2, Д. 23. Л. 114].

Голодом была охвачена вся губерния. Согласно сводкам губстатистики, в декабре 1921 г. голодающими числились 1 071 239 детей, вместе со взрослыми – 2 430 070 [4, Д. 24. Л. 169.]. На X Самарской губернской конференции РКП(б) в июне 1922 г. секретарь Губкома партии И. Т. Морозов заявлял, что голодало 95 % населения; трупоедство не регистрировалось, став обычным явлением; люди дошли до людоедства [5].

Голод, болезни толкали людей на отчаянные преступления. Охранять приходилось не только больницы, склады, но и дрова (дрова Губздрава на берегу Волги, Самарки). Украсть могли еду, дрова, уголь [2, Д. 24. Л. 426]. Могильщики не успевали хоронить. Еще весной 1920 г. они жаловались: «С наступлением тепла из лазаретов на холерное кладбище стали привозить трупы тухлые и разложившиеся, у которых при стаскивании в яму даже отрываются руки. Наименование лазаретов, которые доставляют трупы: военный лазарет, лазарет военнопленных <...> Советская больница № 8. Служащие могильщики, которые работают на холерном кладбище бросят работу, если будут продолжать возить в том же виде» [2, Д. 7. Л. 218]. Однако весной 1921 г. количество умерших еще более увеличилось. На холерных кладбищах мертвых валили прямо на снег, так как не хватало рабочих рук для рытья ям. Один из бойцов писал в отчете: «Проходя вчера мимо кладбища, я заметил, что могилы роют только двое, а мертвых навалено было 3 кучи, и все почти изъедены, а у некоторых нет руг и ног, так как собак там целая стая <...>» [2, Д. 15. Л. 3]. В 1922 г. в санэпидотряде – 125 человек, был еще прививочный отряд – 46 человек. Необходимо было спасти ситуацию.

Умерших приходилось собирать на вокзале и в городе. В отряд приходили заявки с просьбой ликвидировать *залези* трупов. В домах находили целые семьи мертвецов. На совещаниях было приказано вести строгое наблюдение за тем, чтобы трупы перевозились, выгружались и погребались на кладбище с соблюдением должных правил благопристойности [2, Д. 20. Л. 15]. Справляться с этим был должен боевой

санэпидотряд коммунистов. Других ресурсов не было.

Мероприятия, предпринятые советской властью для борьбы с эпидемией сыпного тифа, запоздали. В 1921 г. была попытка усилить контроль над железнодорожными станциями. В мае 1921 г. на вокзале в Самаре застрял Сергей Александрович Есенин; его поезд был

остановлен. «Вот так сутки, другие, третьи, четвертые, пятые, шестые едем, едем, а оглянешься в окно, как заколдованное место – проклятая Самара», – писал С. Есенин в Москву, описывая удручающее зрелище на самарском вокзале, где разыгрывались настоящие трагедии [6] (табл. 1).

Таблица 1

Эпидемия тифа в Самарской губернии (1920–1922)¹

Уезды Самарской губернии	Количество больных тифом по годам 1920-1921											
	Сыпной тиф			Брюшной тиф			Возвратный тиф			Всего заболевших		
	1920	1921	1922	1920	1921	1922	1920	1921	1922	1920	1921	1922
Г. Самара		7312	10711		10750	2317		10091	7973		28153	21001
Самарский	18159	949	3447	1924	11419	569	2073	1784	2934	22156	141152	6950
Бугурусланский	22529	1097	2042	5656	3739	1756	10641	3697	6360	38826	8591	13158
Бузулукский	21042	1267	2346	2959	2646	1039	4944	4272	4309	28945	8185	7694
Пугачевский	31171	1474	1283	7743	3345	776	11730	3783	2561	50644	8602	4620
Ставропольский	8859	242	672	428	546	332	2133	1170	1491	11420	1958	2495
Балаковский	16836	863	1829	2516	2081	1352	1483	1041	2583	20835	3985	5764
Мелекесский	10836	681	2516	871	1156	655	2348	1840	3485	14055	3677	6656
Сам-Злат. ж. д.		164	-		142			133			439	
Итого	129432	14049	27846	22097	35882	8796	35352	23311	31696	186881	77742	68338
Всего												332961

¹ [7, Д. 843. Л. 16].

20 декабря 1921 г. был издан приказ, согласно которому в целях сохранения здоровья едущих по Самарско-Златоустовской железной дороге и в целях поддержания Самарского вокзала в должном санитарном состоянии, Самгубэпидчека постановил запретить доступ и пребывание в пассажирских помещениях и на перроне лицам, не имеющим проездных документов на ближайший по времени уходящий поезд; служащие железнодорожного вокзала и лица, связанные по службе с необходимостью пребывания на вокзале, пропускались по особым пропускам. Беженцев, не имеющих в Самаре пристанища, нужно было направлять в Дом ожидания возле Дунаевского завода для санитарного надзора, всех военнослужащих следовало подвергать санитарной обработке. Железнодорожная милиция должна была следить за выполнением приказа, а начальник боевого эпидотряда снаряжал ежедневно по 3 смены суточного дежурства на вокзале [2, Д. 20. Л. 10].

Эпидчека в 1921 г. приказал выселить из вокзальных помещений посторонних лиц, что невозможно было осуществить в услови-

ях разрухи, феноменального голода, недоступности жилья как такового. Подобные приказы не могли остановить эпидемию: они вообще никак не влияли на заболеваемость, которая постоянно росла. Весной–летом 1921 г. санитары не успевали убирать умерших, а заболевших так много, что перевезти их с вокзала не было возможности: все лазареты и эвакуопункты оказались переполненными [2, Д. 15. Л. 2].

«В вокзале и втором здании образовалась огромная пробка из больных, разгружаемая единицами и увеличивающаяся в геометрической прогрессии», – сообщали товарищи. «Вокзал превращается в могильную яму», ежедневно выносятся по 10–12 трупов. Рапорт 13 декабря 1921 г.: «Настоящим довожу до сведения, что во время моего дежурства было собрано 22 трупа, и еще доношу, что на кладбище нет могильщиков, и трупы не убираются, потому что на кладбище нет ям и трупы растаскивают собаки, так что трупов полная мертвецкая» [2, Д. 15. Л. 5].

Архивные источники дают возможность представить, каким был Самарский вокзал в пик

эпидемии. Больные – около 60 человек – валяются на полу «по целым неделям безо всякого надзора». «2 Пассажирское Здание представляет потрясающую картину. Первые две комнаты при входе заняты исключительно больными. Замечено 2 трупа и при часовне указанного здания находятся до двадцати трупов, которые не убираются по два-три дня» [2, Д. 23. Л. 1–5.].

Сохранился акт обследования помещения вокзала через некоторое время, в 1922 г. Санинспектор, фельдшер и другие уполномоченные увидели следующее: «Сего числа произвели обследование второго пассажирского здания, специально предназначенного для ожидания пассажиров, причем нашли: в одной из комнат нами найдены два человеческих трупа, очевидно умерших от голода, больных нами найдено в этой же комнате около пятидесяти человек, из коих часть голодающих, что выразилось употреблением в пищу подозрительного мяса (не то собачье, не то кошачье), ели при нас, и часть пассажиров больны разными инфекционными болезнями» [2, Д. 23. Л. 61].

Бойцы должны были следить за захоронением умерших, количество которых постоянно росло. Например, с 1 по 8 января 1922 г. собрано по городу умерших 966 человек. Принято больных с поездов и подобрано на вокзале 226 человек, сыпной тиф – у 99 [2, Д. 23. Л. 1]. О суточном дежурстве бойцов – отчет. 3 января 1922 г. на вокзале 3 тифозных, убрано 9 трупов [2, Д. 23. Л. 4]. 12 января за время дежурства отправлено на кладбище с вокзала 20 трупов [2, Д. 23. Л. 24]. В отчете санэпидотряда за неделю с 9 по 14 января 1922 г. с улиц Самары, вокзалов и проч. собрали и похоронили 1213 человек. С различным диагнозом отправили в больницы 193 человека. 25 января 1922 г. проверены, сняты с поездов, найдены на вокзале 72 больных, тифозных – 28. В начале февраля на вокзале собрано 82 человека, среди них – сыпнотифозные. В рапорте 8 февраля: во время обследования вокзала больных обнаружено «значительно меньше», но само здание вокзала – в антисанитарном состоянии. Уборка производилась плохо, двери были отломаны, везде царил страшный холод. То же самое наблюдалось в амбулатории изопробункта, где из-за выбитых стекол больные замерзали. Детские вагоны были везде переполнены – по 150 человек. Каждый день на вокзале находили десятки мертвецов [2, Д. 23. Л. 114]. Там же периодически обнаруживали подкидышей – груд-

ных детей и совсем малышей 2-3 лет [2, Д. 23. Л. 157]. Сведения о работе отряда с 15–21 января 1922 г.: похоронено 1732 человека. Подобрано и перевезено в больницу 230. В следующую неделю подобрано 205, из них – 122 тифозных [2, Д. 23. Л. 33]. С 21 по 28 января похоронено 1078 трупов. 22 января на вокзале собрано около 100 тифозных.

Подобная картина наблюдалась на вокзале в феврале и марте 1922 г. Дезинфекция проводилась ежедневно, как и уборка помещений, но привести здание в надлежащий вид не представлялось возможным ввиду того, что «публики находилась масса, которая ни с чем не считается...» [2, Д. 20. Л. 51]. С 5 по 12 февраля было похоронено 1018 человек, подобрано и отправлено в госпитали 548. 17 февраля 228 больных выявлено и перевезено, за эту неделю убрано 255 трупов [2, Д. 23. Л. 119]. С 28 февраля по 5 марта похоронено 1522, свезено в госпиталь 468. Бойцы санитарного эпидотряда, безусловно, демонстрируют феноменальную работоспособность: ведь в начале 1922 г. их количество постоянно сокращалось: бойцов косил сыпняк.

В городе существовал эвакуогоспиталь, но по мере усиления сыпнотифозной эпидемии он быстро переполнился людьми. Один из бойцов отряда, привозивший в госпиталь больных, в отчете передает устрашающую картину больницы: «Больных привозят в приемник и кладут их прямо на пол в грязь, тут же их стригут и кругом кишит насекомыми. Больных тут раздевают и посылают в ванную голых через коридор. Больных не кормят, а ставят около них обед, с тем, чтобы они сами ели. Разумеется, что весьма многие остаются не евшими. Льду не прикладывают, так как по объяснению сестры «льду нельзя достать» [2, Д. 1. Л. 42]. С окон текла ледяная вода, разливаясь по всему полу несколько дней, окна в палатах были разбиты, в комнатах дул ветер, под окном лежали больные. Врачи, замученные проверками сверху, отказывались пускать контролеров.

Катастрофическая разруха была в амбулатории Красного Креста, где для больных не было ни медикаментов, ни еды и где «ежедневно из 50-40 человек бывало до 10 трупов» [2, Д. 23. Л. 247]. Советская власть пыталась решить проблему нехватки коек следующим образом: вводилась «система мандатов». Право на госпитализацию было только у «полезных» для власти. У огромного количества заболевших горожан, не имевших прямого отношения

к партии большевиков, практически не было шанса на лечение. Проиллюстрировал это писатель П. Т. Завьяловский, будущий репортер самарской «Коммуны», в рассказе «Отмаялся» 1922 г., в котором заболевшего студента отказываются принять в больнице: у него нет мандата. Друзья молодого человека безрезультатно скитаются по городу от одной больницы к другой, и только когда один из ребят обманул дежурного в железнодорожной больнице, сказав о том, что больной – комиссар тяги, студенту выделили койку [8].

Сыпной тиф – один из факторов роста числа беспризорников. В поисках еды десятки детей, потерявших родителей в результате сыпного тифа, устремлялись на вокзал, откуда бойцы эпидотряда пытались их забрать в приемники-коллекторы. Жизнь детей в коллекторах можно разделить на два этапа – до весны 1922 г. и после. Помощь, пришедшая с Запада, существенно облегчала жизнь в приемниках. Однако до февраля – марта 1922 г. дети в приемниках были фактически обречены. Проиллюстрируем это источниками: 4 января 1922 г. бойцы санэпидотряда пришли к приемнику № 3 и увидели стоящий автомобиль, на который были погружены трупы детей – около 40 человек. Вместе с руководителями коллектора они отправились в мертвецкую, где тоже была *груда* детских трупов, которую обещали вывезти после того, как отвезут первую машину. Когда комиссия пошла в канцелярию для разъяснения, почему скопилось столько тел, то внятного объяснения никто дать не смог [2, Д. 3. Л. 185]. Часто списки детей не совпадали, документы свидетельствовали о том, что детей в коллекторах не всегда могли посчитать.

Обратимся к отчету медицинского фельдшера о приемнике № 6 (мусульманском): «В приемнике № 6 развивается страшная эпидемия. Если не принять меры, то дети и служащие будут погибать, как в других приемниках». В приемнике давно свирепствовал брюшной тиф, дизентерия, холера, чесотка. Фельдшер опасался эпидемии, от которой может погибнуть весь приемник, так как санитарное состояние было ужасным. Фельдшер просил диктаторские полномочия, чтобы усилить дисциплину в коллекторе и навести порядок. Дети некоторое время, до отправки в коллектор, содержались в эпидемических вагонах, где была страшная грязь. «Ночью дети спят на друг дружке, сидя и стоя,

так как вагоны не могут вместить в себя такое скопление детей» [2, Д. 20. Л. 46].

Рапорт о приемнике № 3 той же зимой 1922 г.: «Количество детей говорят 800 человек. Но это только цифра с воздуха, никто не знает, какое количество. Нет никаких записей, кто дети, и их фамилии, а прямо забирают с улицы и сажают за стол. Дети до моего прихода не мылись, валялись на полу без коек, лежали в изоляторе, больные – в испражнениях. Трупов было 14». Трупы были увезены. «Положение кошмарное. Вшей не оберешься, они совершенно заедают истощенных детей [2, Д. 3. Л. 114]. В другом приемнике всего детей – 581 человек. Отправили в коллектор – 95 человек. Сегодня было 7 трупов. «Одни умирают, а другие снова заболевают» [2, Д. 3. Л. 181].

Для полноты картины работы боевого санэпидотряда обратимся к сведениям похоронного бюро (в самую страшную зиму 1922 г. они все написаны детским почерком бойцов Духониной и Соколова). Могильщиков на городском кладбище всего пять, работали только трое. В коротеньких отчетах каждый день товарищ Духонина указывала, сколько похоронено, сколько «могил в запасе», и иногда – на сколько человек их хватит. Речь, безусловно, всегда шла о массовых захоронениях. Обычно умерших было около сотни. В иные дни – больше тысячи трупов, снятых с поезда, собранных по городу, вывезенных из больниц.

Сами бойцы отряда постоянно заболевали и умирали. Самой распространённой причиной являлся сыпной тиф; на фоне утомления и недоедания он приводил к смертности в более 50 % случаев. Весной 1922 г. бойцы обращались в Губернский исполнительный комитет с просьбой выделить одежду для работы, «так как совершенно не имеющие ни одежды, ни кожаной обуви сотрудники, работающие большей частью вне стен учреждений, то и дело подвергаются простудам, которые при условии недостаточного питания и чрезвычайной утомленности сотрудников способствует еще большему выбыванию сотрудников из рядов эпидотряда...» [2, Д. 24. Л. 36]. Весной 1922 г. бойцов осталось ровно столько – 75 человек.

Спасение пришло с Запада. С 8 февраля 1922 г. все детские больницы в Самаре были переведены на довольствие Шведского Красного Креста. Остаток довольствия должен передаваться в Губернский отдел здравоохранения [2, Д. 20. Л. 102]. С марта 1922 г. довольствие Крас-

ного Креста получали почти все больницы Самары, а именно: Губернская больница им. Пирогова на 325 коек, Городская больница им. Филатова на 105 коек, Больница им. Линдова на 100 коек, Эпидемический госпиталь № 1 на 500 коек, Городская больница № 1 на 250 коек, Эпидемический госпиталь № 2 на 200 коек, Губернская психиатрическая больница на 400 коек и др. Санэпидотряд, как уже было сказано, тоже получал пайки от Красного Креста.

Значительный вклад в спасение жителей Самары во время голода внес Шведский Красный Крест, приехавший с миссией в декабре 1921 г. и раздавший 108 315 пудов муки, американо-квакеры, англо-квакеры, Голландский Красный Крест, Европейская помощь студентам, группа Фритьофа Нансена, Харбинский комитет помощи детям и, конечно же, больше всего АРА – American relief association. Американцы спасли от голода сотни тысяч русских людей, раздав 4 853 500 пудов муки [7, Д. 167. Л. 325–329].

Если проанализировать меры, предпринятые властями для борьбы с эпидемиями, то можно сказать следующее. Постановлений и распоряжений, безусловно, было предостаточно. С началом эпидемий 18 декабря 1921 г. Самарская Губернская Санитарная комиссия по Самаре постановила: 1. Обязательную регистрацию в домах и прочих зданиях заразных больных. 2. Сделать специальные регистрационные карточки, которые врачи заполняют и передают в случае обнаружения заразного больного. Коменданты домов тоже обязаны были извещать о случаях болезни, регистрировать заболевания как надо, подробно и обстоятельно [2, Д. 20. Д. 68]. В Приказе Президиума Самарского губэпидчека 30 декабря 1921 г. вся работа по эваку-

ации в г. Самара возлагалась на Самэвакопункт, ему подчинялись все гражданские и лечебные учреждения Самары, а также центральный детский коллектор и детские дома. Больные должны были увозиться на автомобилях или лошадях. Каждый рейс с больным из войсковой части и лечебного заведения производится в сопровождении мед- или санперсонала части, отправляющей больного. Задержка транспорта для эвакуации должна вести к аресту виновного [2, Д. 20. Л. 73]. На бумаге мероприятия властей выглядят логичными и последовательными, но вот реальность была настолько ужасной, что фактически власть была бесполезной: мы видели, что размах эпидемии, катастрофа в городе, нехватка ресурсов и страшный голод делали распоряжения властей невозможными. Не хватало не только врачей и транспорта, но и просто рабочих рук и лопат, чтобы зарывать умерших. Боевой санэпидотряд оказался фактически единственным шансом Самары на спасение. Согласно архивам, в Самаре в июне 1922 г. случаев тифов (разных видов) насчитывалось 947, а всего по губернии – 5824 человек [7, Д. 843. Л. 16]. Эпидемия пошла на спад только в 1923 г.

История работы боевого санэпидотряда Самары является исключительным примером повседневного героизма русских людей: в попытке спасти город от эпидемии они выполняют работу, несопоставимую с собственными ресурсами: ни физическими, ни финансовыми, ни кадровыми, поэтому эффективность их деятельности была не так велика. Однако сама идея организации боевых отрядов с расширенными полномочиями для предотвращения эпидемии может быть использована в современном мире.

Ссылки

1. Миронова Н. А. Ярославль в кольце эпидемий: революционная повседневность в провинции. Ярославль: Индиго, 2012. 163 с.
2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф-2871. Оп. 1.
3. Вейсброд Б. С. Живой Ильич. URL: <https://biography.wikireading.ru/>
4. ЦГАСО. Ф. Р.-130. Оп. 1.
5. Поляков В. А. Российская деревня в 1922 году: апогей голода – первый итог продналога // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12. С. 69–78.
6. Сайт Музея С. А. Есенина. URL: <http://www.museum-esenin.ru/tvorchestvo/890>
7. Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 1.
8. Завьяловский П. Отмаялся // Голос студента 1922. Янв. С. 3–4. [газета г. Самары].